

Посвящается моей звездочке, Лее

*Однажды тот, кого я любила,
вручил мне шкатулку, полную тьмы.*

*Лишь спустя много лет я поняла,
что и это был ценный дар.*

— Мэри Оливер

Нью-Йорк, май 1911 года

Ист-Ривер отчетливо пахла смертью. Юноша не молил о пощаде, когда его бросали в холодные воды.

Так было даже лучше. Он ушел с достоинством.

И почти ничего не сказал. Только имя, одно имя — перед тем как утонуть.

Убийство — простая задача. Один крепкий удар по голове, и все. Остальное за тебя сделает река. Люди очень хрупки.

Луна мерцала в небе идеальным полумесяцем. Тихая и спокойная, холодная и безразличная, словно ничего и не произошло.

Никто в Нью-Йорке не заметил, как одинокая фигура в темном плаще покидает пирс.

Никто в Нью-Йорке не заметил, как этот же человек выбрасывает пропитанные кровью перчатки в переулке.

В Нью-Йорке никто ничего не замечал.

Поэтому тебе многое могло сойти с рук.

В сорока двух кварталах от пирса, в маленькой грязной квартирке спала

— Саша Нейтан Смит —

девушка. Сладким глубоким сном она наслаждалась в последний раз. Кровать ее брата на другой стороне комнаты пустовала.

А где-то на углу улицы в Нижнем Манхэттене, под грохот метро, нервное жужжание электрических фонарей и шум кровожадной реки, зарождалась магия.

Глава 1

Нью-Йорк, сентябрь 1911 года

Мать однажды сказала мне, что женский успех в мире зависит от того, насколько хорошо ты умеешь притворяться. И вот сейчас я притворялась, будто не хочу орать во все горло.

Сложно игнорировать мистера Хьюса, когда он расхаживает по ателье со всем изяществом пьяного льва.

Он приехал утром на очередную внезапную проверку, но, как всегда, изучал не саму лавку, а скорее швей, которые в ней работали.

Мы с девчонками незаметно переглядывались, и я обратила внимание, что у Мэри еще две минуты назад закончилась нитка на шпульке, а у Кэтрин сломался грифель в карандаше.

В нашей молчаливой игре «кто первый» проиграла я. Поэтому встала с тяжелым вздохом из-за стола, прекрасно понимая, что с подолом не закончу, если не разогрею утюг.

Сложно делать вид, будто не замечаешь на себе тяжелого взгляда мистера Хьюса.

— Доброе утро, — сказал он с ухмылкой, и у меня по спине пробежали мурашки.

Я выдавила из себя улыбку, сама тому не радуясь. Мистеру Хьюсу больше всего на свете нравилось купаться в лучах нашей благодарности. И неважно, что это мы выполняли всю работу и в конце каждой недели передавали весь доход ему.

Мистер Хьюс регулярно советовал ничего не делать вопсылы, а посвящать себя труду целиком. И в том, что касалось приумножения наших страданий, сам следовал этому совету.

Прошлой ночью внезапно ударил мороз, хоть и стояла еще ранняя осень, так что в ателье у нас было холодно. Совсем не просто накладывать аккуратные стежки онемевшими пальцами, но когда наша руководительница, миссис Кэрри, попросила мистера Хьюса выделить больше денег на уголь, тот рассмеялся ей в лицо. А мало кому хватало на это смелости.

Я вернулась за свою швейную машинку, плавно обогнув другие столы, словно паучиха, плетущая свою паутину. Все тринадцать девчонок, включая меня, старались шить платья так быстро, как только могли в этой тесной комнатухе. Я внимательно следила за тем, чтобы не задевать локоть Джесс, когда она сидела рядом со мной. В прошлый раз это закончилось иглой между моими большим и указательным пальцами. Джесс сказала, что нечаянно ее всадила, но улыбнулась при виде крови на моей руке.

Мистер Хьюс бродил по ателье, разглядывал манекены, щупал ткани. Остановился у моего стола и взял стопку выкроек, которые я тщательно начертила, для бархатного пальто моей лучшей клиентки, богатой вдовы. Он беспечно пролистал бумажки, словно что-то в них понимал, и небрежно отбросил их на стол. Часть

выкройки воротника упала на пол, но мистера Хьюса это не волновало. А у меня уйдет вечность на то, чтобы снова все рассортировать.

Следующей жертвой стала Мэри. Он присел на краешек ее стола и попросил ему улыбнуться. Его поредевшие светлые волосы были зализаны назад и тщательно расчесаны, а от резкого запаха одеколона, которым мистер Хьюс щедро облился, щипало нос и горло.

— Молодцы, — наконец произнес он, очевидно, вполне удовлетворившись нашей работой. — Как у вас дела, девочки?

По интонации было ясно: мы должны пищать от радости, что нам повезло устроиться на работу у такого достойного джентльмена.

— Все хорошо, мистер Хьюс, спасибо, — хором ответили мы неестественно высоким голосом.

Он повернулся спросить миссис Кэрри, как идут дела в ателье, и руководительница махнула нам рукой, чтобы мы пока расслабились. Отойти от мистера Хьюса нам было некуда, но уже возможность не смотреть на его лоснящуюся физиономию приносила немалое облегчение.

По крайней мере не приходится делать вид, будто я радуюсь засохшей корке хлеба на ужин. Не приходится улыбаться, когда меня снедает тоска по Уильяму и кажется, словно от боли сейчас разорвется грудь.

Я решила сосредоточиться на бархатном пальто цвета ночного неба. Мягкая ткань приятно ощущалась на коже, и я в десятитысячный раз напоминала себе о том, какая на самом деле это удача, что у меня есть работа, даже несмотря на визиты мистера Хьюса и прочие детали. Могла бы ведь сейчас сидеть взаперти в той кошмарной лечебнице на Лонг-Айленде, как моя мать, потерявшая рассудок после смерти Уильяма.

Или работать на фабрике у реки, как моя школьная подруга Роза. Вдыхать вредные пары, двенадцать часов в день проводить на ногах, бесконечно пришивать одни и те же пуговицы на одни и те же рубашки. Причем эта нудная работа сама по себе еще не так страшна, как некоторые истории, что я слышала от Розы. Например, одна девушка ходила с очень длинной косой. Как-то раз та попала в станок, и бедняжка погибла. Роза рассказывала, что потом из машины удалось извлечь волосы, и все увидели, что их оторвало вместе с частью скальпа. После этого мне несколько недель снились кошмары.

Или могла закончить как мой брат, чья разбухшая от воды плоть гниет в могиле, которую я до сих пор не решаюсь посетить. Пожалуй, из нас всех ему досталась самая страшная доля. Хотя как знать: может, он и не согласился бы с этим. Жаль, не получится спросить его лично.

Я все жду, когда наконец пройдет горечь потери, но боль в сердце не стихает, напоминая о себе едва ли не каждые двадцать минут. Наверное, Уильям сказал бы, что я преувеличиваю.

Несомненно, мне невероятно повезло работать швейей в маленьком ателье под руководством миссис Кэрри, которая даже позволила мне жить на втором этаже вместе с остальными девчонками после того, как мою мать отправили в психиатрическую лечебницу. В последнее время непросто отыскать постоянное рабочее место, да еще и с крышей над головой.

Каждый день строились новые трубы заводов, каждый день закрывались лавчонки вроде нашей.

Я усердно трудилась над пальто богатой вдовы, надеясь заглушить темные мысли мерным постукиванием швейной машины. И уже пришивала пуговицы, кото-

рые должны были располагаться по всему борту, когда над дверью тихонько прозвенел колокольчик. Это был всего лишь мальчишка-посыльный с упаковкой новых иголок, но он отвлек меня от сосредоточенного шитья, и я с удивлением обнаружила, что небо окрасилось в бледно-фиолетовый тон сумерек. Богатая вдова надеялась получить свое пальто завтра утром, а на нем еще не было десяти пуговиц, обеих манжет и отделки.

В ателье не хватало еще как минимум трех швей, но мистер Хьюс был твердо убежден, что нам нужен «более ответственный подход к работе», а не расширение коллектива.

Вчера сестры Томпсон заказали себе по уродливому «платью морячки», нагрузив меня лишней работой, а сегодняшний визит мистера Хьюса усугубил ситуацию.

Мрачные тени позднего вечера окутывали комнату, и девчонки постепенно удалялись в наши комнаты наверху, пока на нижнем этаже не остались только мы с миссис Кэрри. Перед тем как уйти, она зажгла для меня целых три керосиновых лампы и посоветовала не засиживаться до ночи.

Сидеть в ателье одной после закрытия было особенно тоскливо. Под покровом темноты по полу сновали мыши, а температура так сильно упала, что я вся дрожала даже под шалью.

Мне было слышно, как на втором этаже хихикают девчонки. Мы редко смеялись, так что я предположила, что они отпускают язвительные шутки в адрес мистера Хьюса.

Моя игла буквально летала по ткани. Я старалась работать как можно быстрее, поспешно перерезая нитку на восьмой пуговице, как вдруг меня отвлек звон ключа в замочной скважине.

В темноте звон колокольчика наддверью звучал иначе. Внутри все сжалось от недоброго предчувствия. Я заставила себя поднять голову, и мои опасения оправдались.

Мистер Хьюс.

Он ворвался в ателье подобно быку, запинаясь о свои же ноги. Лицо у него было красным, несмотря на холодный вечерний воздух, а коричневый твидовый пиджак застегнут как попало. Потными ладонями мистер Хьюс загребал банкноты из кассового аппарата и рассыпывал их по карманам.

Я застыла. Может, мне повезет и он меня не заметит?

Где-то писали, будто собаки чуют страх. Наверное, к людям это тоже относится, потому что взгляд мистера Хьюса внезапно метнулся ко мне.

Я обманывала себя ложной надеждой, хотя в глубине души знала, что мне удача никогда не улыбается. Мистер Хьюс провел языком по зубам и одарил меня жуткой, влажной улыбкой.

— Ты еще здесь?

— Уже уйду, сэр, — пробормотала я, стараясь на него не смотреть и поспешно убирая выкройки в ящик стола.

Его лицо исказила гримаса, и он произнес, растягивая слова:

— Нет, девочка моя, еще не уходишь.

Я сразу поняла его намерения по ухмылке и плотоядному взгляду. По телу прокатилась волна ужаса, вызывая слабость и тошноту. Я замерла и задумалась, как поступить.

Мне придется пройти мимо него, совсем рядом, чтобы добраться до входной двери, а на улице в такой час все равно никого не будет. Дверь на второй этаж ближе, но сейчас она заперта, и хотя в кармане фартука у меня

лежит ключ, он может легко выскользнуть из дрожащих пальцев.

Керосиновые лампы заливали комнату болезненно-оранжевым мерцанием.

У меня перехватило дыхание.

Действуй.

Я тронулась с места и бросилась к выходу на лестницу, не думая в этот момент ни о чем, кроме мистера Хьюса у себя за спиной и колотящегося в груди сердца, которое отсчитывало секунды подобно стрелке на плохо смазанных часах.

И уже вытянула пальцы, чтобы взяться за ручку, когда меня схватили за воротник и отдернули назад. Я захрипела от давления на шее.

— Куда же ты? — протянул мистер Хьюс. Его голос буквально сочился жиром, как и он сам. — Ночь еще только начинается.

Внутри у меня все похолодело, и пальцы онемели. Я повернулась к нему и отшатнулась, но он тут же сгреб мою блузку в кулак.

— Прошу, сэр, — жалобно прошептала я, ненавидя себя за то, как дрожит мой голос.

Мистер Хьюс грубо толкнул меня к стене, и моя голова с жутким треском ударилась о кирпич. Хозяин ателье зажал меня, впившись одной рукой в плечо, а другую положив мне на бедро.

Язык у меня словно онемел.

В ноздри бил отвратительный кислый запах виски. Передо мной маячило красное лицо в пятнах, опухшие глаза с мешковатыми веками, и капли пота с его разгоряченной кожи падали мне на шею.

Я попыталась его оттолкнуть, но он был намного крупнее меня.

Металлические пластины корсета врезались в ребра, и легкие у меня горели.

— Разве я тебе не нравлюсь, Мэри? — произнес мистер Хьюс со скользкой ухмылкой, провел ладонью по моему плечу и с силой прижал меня к стене, вцепившись в горло.

«Я не Мэри, я Фрэнсис!» — хотелось закричать мне, но ему ведь было все равно, кто из нас кто. Если бы он видел в нас людей, то не поступал бы так с нами.

Его массивная рука давила мне на горло, не позволяя дышать. Я разинула рот, как рыба на берегу, и секунду спустя ощутила кошмарное жжение от недостатка кислорода. Мне удалось лишь ахнуть, и мистер Хьюс улыбнулся. Я знала, что его наслаждение моей болью, его насмешливый взгляд будет приходить ко мне в кошмарах до конца жизни — если, конечно, я переживу эту ночь.

Перед глазами вспыхивали яркие пятна, углы комнаты расплывались.

Хьюс подвинулся ближе.

Я зажмурилась.

Вот что чувствовал мой брат?

Все вокруг постепенно погружалось в пустоту, но вдруг под коркой ледяного ужаса возникло нечто иное. Странная пульсация в животе. Переходящая с монотонным гулом в пальцы. В тумане паники блеснула мысль, словно утреннее солнце в пасмурном небе над гаванью: «Смерть теплее, чем я думала».

Меня поглотило это чувство, оно залило светом все темные уголки моей сущности, заставляя забыть обо всем.

Я слабо вдохнула — как могла под напором жестокой руки.

Мне не страшно.

Я отказываюсь бояться.

Раздался тихий свист, словно что-то пролетело по воздуху, и я вздрогнула. Все еще жмурясь, я услышала влажный звук удара, и теплая жидкость брызнула мне на лицо.

Тяжелая рука больше не давила на горло, и я жадно вдохнула, наслаждаясь притоком кислорода. Я распахнула глаза и успела увидеть, как мистер Хьюс падает на пол с громким стуком. Слева из его шеи торчали мои швейные ножницы, погруженные в плоть почти до самого основания. Из раны текла винно-красная кровь, расплываясь пятном по белой рубашке, просачиваясь в щели между потертými досками на полу.

Мистер Хьюс издал булькающий звук, содрогнулся и замер.

На месте живого человека теперь лежало мертвое тело. Тело с моими швейными ножницами, всаженными в шею на добрых пять дюймов. Двери были закрыты, окна заперты на засовы. Ни следа загадочного спасителя. Только я, труп и ножницы.

Я с ужасом осознала, что это моих рук дело. Каким-то образом я убила мистера Хьюса. Разум затуманился, колени подкосились...

Последним, что я успела подумать, прежде чем упасть на пол, было: «Господи, лишь бы не приземлиться в лужу крови».

Опять удача от меня отвернулась.

Я быстро пришла в себя и увидела, что руки у меня все липкие и красные. Мистер Хьюс лежал рядом, навеки распахнув свои маленькие глазки. Его лицо застыло в едва ли не комичном выражении шока.

Кровь испачкала рукав моей блузки, смешав белый цвет с кирпично-красным.

Лившийся в окна серебристый лунный свет падал на безжизненную руку мистера Хьюса всего в паре дюймов от моей.

Я перевела взгляд с трупа на потолок и с минуту лежала неподвижно, прислушиваясь. В доме стояла тишина, а значит, наша стычка не разбудила девчонок. Хотя с чего бы? Я пыталась кричать, но с моих губ слетали жалобные хрипы, только и всего. Как будто связки парализовало от страха или их повредил сам мистер Хьюс.

Я подавила всхлип. Если меня обнаружат рядом с телом, вполне очевидно, как это будет выглядеть. Воздух из легких выходил рывками, и я вся дрожала, но тем не менее заставила себя подняться. И поняла, что подошвы моих ботинок тоже липкие от чужой крови.

Я не успела сдержать прилив тошноты, и меня вырвало прямо на пол. Мерзкая вонь смешалась с запахом масла из швейной машины и духом смерти. Я снова захрипела, но рвать мне было больше нечем.

Возможно, следовало как-то избавиться от тела, оттащить его в темный переулок, но даже если бы мне хватило на это физических сил, к горлу снова подкатывала тошнота от одной мысли о том, чтобы прикоснуться к трупу. Так что я не хотела даже пытаться. А вместо этого подошла к своему столу и опустила на твердое деревянное сиденье.

Синее бархатное пальто лежало на месте, чистое и нетронутое. У меня в голове не укладывалось, как события последних минут пяти не замарали все вокруг. Казалось, мир должен был измениться, стать таким же надломленным, какой себя чувствовала я.